

Иерей Борис Левшенко
Доцент,
Зав. кафедрой догматического богословия ПСТБИ

ПОДВОДЯ ИТОГИ...

Довольно давно, еще перед открытием конференции «Единство Церкви», мне попались в руки работы о. Георгия Кочеткова; тогда меня неприятно удивило использование им протестантской методологии, приводившее его к соответствующим выводам. Помню, что меня огорчило отсутствие коррекции этих построений с точки зрения Церковного Предания, но я считал естественным такое временное увлечение западной литературой, ибо в те годы мы только что до нее «дорвались». Многим тогда казалось, что новый язык, новые подходы открывают новые горизонты. В молодости почти все проходят это, как болезнь, но вскоре возвращаются на те пути, что для нас проторены Святыми Отцами; при этом полученный ранее опыт зачастую даже укрепляет церковность и дает в руки оружие для борьбы с чуждыми влияниями. Теперь я вижу, что случай о. Георгия особый: увлеченность философскими и протестантскими новациями увела его от Церкви весьма далеко. Он сам это хорошо понимает, но преподносит так, как будто лишь его учение подлинно и православно, как будто именно оно является изначальным исповеданием древней Церкви, искаженным затем ее представителями на протяжении последующих веков. С этим я согласиться не могу, поэтому попытаюсь обозначить хотя бы несколько пунктов, по которым мы расходимся с о. Георгием. При этом одновременно я постараюсь подытожить и те мысли, что были высказаны авторами статей этого сборника.

1. Прежде всего у нас разное понимание Священного Писания и Священного Предания. Для нас это понимание сохранили Святые Отцы от Апостолов через бережное отношение к святыне – не только через рукоположение, но и в Символе Веры, в постановлениях Вселенских и Поместных Соборов, в богослужении и богослужебных текстах, в самом образе христианской жизни. Церковь отбрасывала все лишнее, все «мешающее» ей и сохранила подлинно православные понимание Священного Писания, вероучительные положения, Заповеди Божии, Священноначалие, Таинства. Но для о. Георгия значимым остается в первую очередь лишь Священное Писание, причем в своеобразном восприятии его западных коллег, а все прочее оказывается либо излишним (например, Вселенские Соборы, определения которых он зачастую отрицает), либо искаженным и требующим исправления (например, Таинства, которые следует восполнять: Крещение – оглашением, почему и надо перекрещивать всех тех, кто крещен в младенчестве, и даже, порой, тех священнослужителей, кто не знаком с учением о. Георгия; Евхаристию же следует восполнить агапами). В последнем случае с агапами у о. Георгия даже имеется некая весьма своеобразная ссылка на предания: агапы существуют у баптистов, якобы сохранивших эту древнюю практику адекватно. То, что агапам о. Георгий придает огромное значение, в своих работах свидетельствует и о. Константин Буфеев. При этом, у о. Георгия нет практически никаких серьезных ссылок на мнения Святых Отцов или на Литургическое предание. Все это служит причиной того, что о. Георгий считает возможным произвольно менять последование Таинств, умножать Таинства Крещения и Миропомазания, не понимая что он здесь вступает в противоречие с православным Символом Веры.

2. Различное понимание догмата о Пресвятой Троице. О. Георгий предпочитает упоминать Лица Пресвятой Троицы без указания их единосущия. Он приводит свои собственные символы веры, составленные из набора новозаветных цитат. Эти «символы веры», предназначенные для «оглашаемых первого и второго этапа» в общине о. Георгия, возвращают нас в доникейский период. Неопределенность допускаемых здесь выражений такова, что открывает возможность и для гностицистского их понимания и для субординационистских толкований. Вот текст этих символов: «Если “правило веры” (как бы “символ веры”) оглашаемого 1-го этапа было кратко и просто (его можно было бы выразить, например, следующими словами: “верую во Единого Живого Творца мира и человека – Бога, и в Помазанника Духом Божиим – Иисуса, воскрешенного Богом и соделанного Им Спасителем и Судией всего мира”, см. Деян 5:30-31), то “правило веры” (тоже как бы “символ веры”) оглашаемого 2-го этапа уже не так просто. Его можно было бы выразить, например, так: “верую во Единого Святого Живого Бога – нашего Небесного (Духовного) Отца и Творца всего мира материального, душевного и духовного; и в Превечное Живое Творческое Премудрое и Единородное Слово (Логос) Его, Духом и Силой

Божьей (см. Деян 10:38) явившееся в мир и воплотившееся в Сыне Человеческом – Родившемся от целомудренной жены (см. Гал 4:4), Девы Марии (Мариам), и Распятом по зависти и неприязни, но Воскресшем (Восставшем) по Любви Божьей и Единству со Отцом – Иисусе (Иешуа) из Назарета, Который был Божьим Пророком, сильным в деле и слове (см. Лк 24:19), и Божьим Сыном – Помазанником (Машиах'ом, Мессией-Христом), предвиденным древними пророками, и Который стал Судией всех живых и мертвых (см. Деян 10:42) и нашим Единым Господом-Освободителем от рабства миру сему, лежащему во зле (см. 1 Ин 5:19), и немощным и бедным вещественным началам этого мира (см. Гал 4:3,9), и Спасителем нашим, милосердно прощающим все грехи всем верующим, кающимся и крестящимся во имя Его (см. Деян 10:43; Мк 16:16); и в Животворящего и Пророчественного Святого Духа – Единого Утешителя (Параклита), Которого Господь вместо Себя посылает от Отца нашего в мир как удостоверение Полноты нашей вечной Жизни в Царстве Божьем Небесном, как Дар Своей единой, святой, кафолической (соборной) и апостольской Церкви, т. е. миру Божьему, и особенно всем искренне любящим Его и истинно верующим в Него, а через Него, благодатью Божьей, верующим в Личного Бога и в способного к сообразованию с Богом и богоуподоблению всякого человека”» («В начале было Слово». С. 10-11).

3. Мы считаем, что мир сотворен Богом Троицей из ничего и что зла Он не создавал. О. Георгий полагает, что мир сотворен без участия ипостасного Святого Духа. При этом Бог творит мир несовершенным; в нем уже изначально есть доброе и злое начала – в виде света и тьмы, духовного и вещественного: теория, хорошо известная гностикам.

4. Православное учение говорит, что Ангелы суть тварные личные свободно-разумные существа, что в мире Ангелов произошло грехопадение, основой которого явилось горделивое отпадение от Бога некоторых из них. О. Георгий утверждает, что Ангелы – безличностные тварные силы добра или зла, света или тьмы.

5. Вместо хорошо известного библейского сказания о сотворении Богом человека о. Георгий предлагает идею андрогина с фантастическим описанием происхождения человеческого рода.

6. О. Георгий не верит в безмужное зачатие Господа нашего Иисуса Христа, а для дорогих православным понятий и событий (Приснодева, Богородица, Рождество и др.) находит странные аллегорические толкования. (Вообще говоря, неверие во многие евангельские чудеса заставляет о. Георгия прибегать к аллегорическому методу толкований даже там, где это резко противоречит Церковному Преданию). Неопределенность выражений не позволяет выяснить, соединяются ли в Рождестве, и вообще, оказываются ли здесь связаны между собой Божеское и человеческое естества. Это сближает позицию о. Георгия с несторианскими или даже атеистическими взглядами.

7. Боговоплощение рассматривается о. Георгием с несторианских позиций. Неясным остается только одно: когда же произошло Боговоплощение (в момент ли зачатия или при Богоявлении). Не рассматривается и образ Боговоплощения. В любом случае, для о. Георгия здесь особую роль играет событие Крещения Господа на Иордане, и как бы «восполняющее» Божественное достоинство Спасителя схождение на Него Святого Духа. Как и учение о Божией Матери, подобное несторианское мнение было осуждено на III и последующих Вселенских Соборах.

8. О. Георгий допускает мысль, что Искупительная Жертва была принесена не Богу, а сатане. Как утверждает он, «Христу надо пролить Кровь, которая становится драгоценным залогом Жизни мира. Именно этой Кровью, драгоценной Кровью, Кровью Христа как бы выкупается, искупается у Дьявола весь мир, тот мир, который до этого целиком и полностью, безраздельно лежал во Зле» («Идите, научите все народы». С. 408). Это утверждение, безусловно, противоречит православному учению об образе принесения и смысле Христовой Жертвы.

9. Поскольку Русская Православная Церковь практикует крещение младенцев и не использует кочетковского способа оглашения, то о. Георгий хотя прямо и не отрицает ее благодатность и каноничность, все же достаточно осторожно относится к ее признанию. Кажется, он все же признает полноту членства в Церкви нашего Святейшего Патриарха. Напротив того, церкви, осужденные Вселенскими Соборами (например, монофизитские) безусловно принадлежат церкви о. Георгия. Принципом единения здесь является общность Евхаристии, к осуществлению которой в «явочном порядке» он и призывает. Особенно подробно о. Георгий разбирает этот вопрос в отношении нехалкидонских церквей.

10. Православная Церковь учит, что Новый Завет принес всю полноту Откровения Божия. У о. Георгия возрождается древняя ересь фригийцев о третьем завете, который должен придти на смену Завету Христову. Впрочем, о. Георгий скорее всего унаследовал эти взгляды не от Монтана, а от Мережковского и Гиппиус.

11. Неясно, как о. Георгий относится к учению Церкви о посмертной участи человеческой души, но воскресение он понимает не вполне православно. Как ни странно, он не знает православного

учения о всеобщем воскресении на Суд Божий, а выдает за православное два неправославных мнения: воскресение лишь достойных (факультативная теория) и оригенистское, осужденное в постановлениях V и последующих Вселенских Соборов (учение об апокатастасисе, а именно, всеобщем воскресении не для Суда, а для блаженства).

12. Своеобразное учение о Церкви, близкое к протестантскому учению о невидимой Церкви. Вместе с тем рационалистическое представление о Церкви, связанное с необходимостью оглашенности всех ее членов именно в чотковском духе, и сочетающееся с понятием харизматичности ее служений. Это выделяет церковь о. Георгия как тоталитарное образование во главе с харизматиком.

Список наших разногласий можно продолжить. Ясно лишь то, что мы принадлежим разным Церквам, и наши разногласия не носят характера разных мнений внутри одной Церкви. Для меня самым прискорбным является то, что учебное заведение о. Георгия носит имя святителя Филарета, чьи вероучительные труды о. Георгием не только не признаются, но и активно опровергаются. Ведь авторитетом для о. Георгия является враждовавший против православного богословия Н. Бердяев; его-то имя более всего и приличествует сему заведению.